

Александр
Агеев

словарный запас

каждого

ждет

ночь

газета - 2004 - 4 нояб - с 13.

Такого счастья не бывает: у знаменитого русского литератора 80-летний юбилей, притом он пишет очередной роман. Какая-то небесная аномалия стряслась над славным (и теперь зарубежным) городом Баку в двадцатые годы прошлого века, когда родился Леонид Зорин — автор множества любимых образованными людьми пьес, сценариев (ну хоть «Покровские ворота» вспомните), а потом и «маленьких романов», последний из которых, «Сансара», опубликован в октябрьском номере журнала «Знамя».

Про Александра Михайловича Горчакова, между прочим, роман; про очень-очень легендарного русского дипломата, учившегося вместе с Пушкиным, Пушкиным и Модестом (Модинькой) Корфом — тоже потом крупным чиновником исчезнувшей империи — в Царскосельском лицее.

Как жестоко судьба их развела. Одного после Бессарабии и Крыма сослали в Михайловское, другого — вообще в Сибирь, а третьего и четвертого в «коридоры власти», где удачу обрести, может, было посложнее, чем в Сибири или в Михайловском.

Да мы ж этого просто не знаем. И хотим ли знать? Не уверен...

Приятно Тютчева еще раз прочитать в грамотной цитации, пушкинскую «Телегу жизни» вспомнить — совершенно убийственный текст, после которого всякий ответственный человек должен в петлю лезть.

Но там это есть, и хорошо. Да ведь, собственно, не про Горчакова роман (романы, которые «про», пусть пишут наемные мальчонки и девчонки крупных издательств для разных «серий»). Роман «про жизнь» и «про людей», как Андрей Немзер любит сказать. Про зоркую (или прозорливую?) старость. Про то, как старость может быть и благообразной, и отвратительной, про то, как страшна ночь. «Приходит самое тяжкое — ночь. Страшнее ночи нет ничего».

Там ведь что, в этой ночи? «Можно заснуть и не проснуться».

Да так оно и есть, и каждого из нас ждет своя ночь, в которой мы заснем и не пробнемся, и все равно надо жить эту подробную, разнесенную на кучу мелочей жизнь.

А что, у нас есть другая? Покажите!

Но пока не покажете, мы будем жить эту, какая досталась, и страдать по данному поводу в меру возможности. Ведь и вся русская литература если и не родилась на энергии поиска другой жизни, так, значит, я ее не понимаю и уже, наверное, не пойму.

К «человецкой истории» Зорина вернемся: были же еще драматурги в нашем отечестве, которые могли с ним конкурировать? А как же, были! И Розова, недавно умершего в хосписе, вспомнишь, и Вампилова, и Володина, но вот странность — никогда не было ощущения их постоянного присутствия. И белорусского Макаёнка с «Затюканным апостолом» чего ж не вспомнить? Типа «прибегали-убежали», написав и поставив классную вещь, а Зорин старался «стоять» на своем, и стоял.

Вообще, задача классика в России проста: не умирай ты так рано, успевай сказать нам то, что только-только еще измыслил (о, слово какое!), а там уж набегит толпа комментаторов и все, известное дело, ополшит...

Тут даже не во времени дело — в пространстве. Отчасти измышленном (большая-то часть русских людей живет или помирает во вполне классическом круге геополитического «северо-востока»), но в мыслях-то всегда безмерность — от Балтийского до Охотского моря. От этого всегдашнее как бы повреждение в умах: ну так много всего, что еще успеем. Куда успеем — к зоринской «ночи», которая всех ждет? Странная книжка у меня есть, купил когда-то по случаю: «Максим Горький. Несобранные (оцените иронию!) литературно-критические статьи». Издана в 1940 году «Гослитиздатом», содержит множество статей, которые в официальном собрании сочинений войти в те времена не могли (где-то Горький слишком либерален, а где-то совершенный людоед — насчет «врагов, которые не сдаются»). Но там есть замечательная статья под названием «Мальчик».

И эта статья — про Зорина.

«Я был предупрежден: придет гость, поэт, мальчик. Ну что ж? Мальчики и девочки, сочиняющие стихи, весьма обычное явление у нас. И всегда с ними немножко трудно, потому что в большинстве случаев они еще не умеют писать стихи». Этот — десятилетний — почему-то умел. Дальше Алексей Максимович долго и занудно рассуждает, что надо делать с такими вот непутевыми детьми, которые пытаются освоить русскую просодию (в которой сам ничего не понимал, если уж быть честными и вспомнить, как он загнул всю «новокрестьянскую поэзию»).

А Зорина признал и написал о нем очерк в стилистике своего «Детства». Там полный восторг, слезы и, между прочим, мизансцены, которые стоит напомнить еще читающим людям:

«Я предложил поэту прочитать его стихи. Несколько секунд он молчал, и это побудило меня сказать, что «есть случаи, когда не следует стесняться своим талантом».

— Это из письма Потемкина Раевскому, — заметил десятилетний человек.

— Поэта Потемкина? — спросил я.

— Нет, фаворита Екатерины Второй. А разве есть поэт Потемкин?»

Горький вообще был человек увлекающийся, падкий на новых людей, новые идеи, «новые пути», — модернист такой, вечно ждущий, что ему с неба упадет указание, «куда ж нам плыть». Пушкин на этот вопрос, который сам себе задал, ответить не сумел, да и не старался, как подлинный аристократ. Другое дело — Горький. Он триста раз ошибался, он проклинал и даже сажал в сталинские лагерь доверившихся ему людей, но тут он не ошибся: «мальчик», Леонид Зорин, выжил, встал на ноги, написал множество текстов. Должно быть, Алексею Максимовичу они бы не понравились, но зато понравились нам.